

**Сознание и язык.
О явлениях динамики и статики
в языке М. Цветаевой**

© кандидат филологических наук О. К. Грекова, 2001

“Динамика поэтической речи сама по себе есть форма реорганизации времени, – считал И. Бродский, – поэтому в конечном счете каждый поэт стремится к одному и тому же: достигнуть или удержать утраченное или текущее время” [Бродский 1979: 60-61].

В русской языковой картине мира выделены 3 модели восприятия времени [Падучева 1999: 98-101]. **Модель 1** текущего времени представляет время как метафизический процесс, субъектом которого является мир, проходящий через последовательность моментов. По Е. В. Падучевой, этот процесс развития (на наш взгляд – изменения; О. Г.) язык представляет как движение, поскольку он имеет направление. Когда говорят “время идет”, оно движется, по умолчанию, вперед. Вместе с миром движется, глядя вперед, находящийся в мире наблюдатель. Модель текущего времени объясняет пример *У нас еще две недели впереди* и вообще большую часть действительных употреблений временных слов. Представление о будущем, как о месте, куда мы должны прийти, отражено и в выражении *по достижении намеченного срока*.

Модель 2 скалярная статична, слова *следующий* и *предыдущий* выражают соотношение между точками и отрезками на неподвижной шкале. Эта модель не требует наблюдателя.

Модель 3 встречного движения. Движение мира с впередсмотрящим наблюдателем порождает встречное как бы движение засечек на шкале времен. Когда человек плывет в лодке по реке, ему навстречу как бы движется все, что стоит на берегу. Одна и та же ситуация может концептуализироваться в разных моделях времени: *Жизнь вступила в новую фазу* (модель 1) – *Наступила новая фаза жизни* (модель 3).

На наш взгляд, концептуализация действий и состояний многопланова: помимо выбора модели времени (происходящего на уровне сознания говорящего) она включает выбор динамического или статического регистра и желание / нежелание проработать и прописать языковыми средствами тип протекания действия или состояния (т. е. дать аспектуальную характеристику). Мы рассмотрим, главным образом, первые два аспекта применительно к поэтическому творчеству М. И. Цветаевой.

В поэтическом языке М. И. Цветаевой преобладающей представляется модель текущего времени 1. *Христос и Бог! Я жажду чуда / Теперь,*

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

*сейчас, в начале дня! / О дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня. / Ты мудрый, ты не скажешь строго: / “Терпи, еще не кончен срок” / Ты сам мне подал – слишком много! / Я жажду сразу – всех дорог! / Всего хочу: с душой цыгана / Идти под песни на разбой, / За всех страдать под звук органа / И амазонкой мчаться в бой; / Гадать по звездам в черной башне, / **Вести детей вперед**, сквозь тень... / Чтоб был легендой – день вчерашний, / Чтоб был безумьем – каждый день... (1909). Звенят-поют, забвению мешая, / В моей душе слова: “пятнадцать лет”. / О, для чего я выросла большая? / Спасенья нет!... / **Что вперед?** Какая неудача? / Во всем обман, и, ах, на всем запрет! / – Так с милым детством я прощалась, плача, / В пятнадцать лет... (1911) ... И так же будут таять луны / И таять снег, / **Когда промчится этот юный, / Прелестный век.** (1913). Как правая и левая рука / Твоя душа моей душе близка. / Мы смежны, блаженно и тепло, / Как правое и левое крыло. / Но **вихрь встает** – и бездна пролегла / От правого – до левого крыла! (1918).*

*Из строгого, стройного храма / Ты вышла на визг площадей... / Свобода! – Прекрасная Дама / Маркизов и русских князей. / Свершается страшная спевка, – / Обедня еще **вперед!** / – Свобода! – Гуляющая девка / На шалой солдатской груди! (1917). Нам бессонница – не бремя, / Отродясь кипим в котле. / Так-то лучше. **Будет время** / телу выспаться в земле (1917). Модель текущего времени связана с динамическим аспектом мироощущения и использованием глаголов интенсивного действия (см. в приведенных отрывках – *мчаться, жажду, кипеть*), а также слов иных частей речи с той же семантикой (*вихрь, шалый*).*

Течение времени может ощущаться автором и как повернувшее вспять, надвигающееся (т. е. модель 3): *Стать тем, что никому не мило, / – О, стать, как лед! – / Не зная ни того, что было, / Ни что **придет.** (1913). **Настанет день**, – печальный, говорят! – / Отцарствуют, отплачут, отгорят, – / Остужены чужими пятаками, – / Мои глаза, подвижные, как пламя. / И – двойника нащупавший двойник – / Сквозь легкое лицо проступит – лик. / **О, наконец**, тебя я удостоюсь, / **Благообразия прекрасный пояс!**... (1916).*

Модель 3 встречного движения “проступает” как в глагольных формах (*настанет, придет*), так и в лексических средствах (*О, наконец!* – наступление долгожданного, приближавшегося). Модель 3 связана также с одним постоянно присутствующим образом, образом помехи (препятствия), которую мы понимаем, вслед за Н. К. Рябцевой, как “все, что встает или возникает на пути, перегораживает, замедляет, мешает, осложняет, затрудняет, сдерживает, оказывает сопротивление, во что упираются, что надвигается (разрядка наша. – О. Г.) и нависает, ограничивает возможности и свободу действия [Рябцева 1999: 119].

В следующих ниже примерах чувство долга “нависает” над лирическим героем, его возможности ограничены (“Я не посмела... не сумела”, “тщета — во мне она, везде...”), жизнь осложняется тем, что “душу терзало и жгло”, запреты ограничивают свободу (“смеяться, когда нельзя”, “я с вызовом ношу его кольцо”), некая сила мешает (“сотни разъединяющих верст, разъединяющих лет”, “пригвождена”, “что-то цепью за мной волочится”, “дорого дается жизнь”, “...буду брать труднейшую ноту”). *Рыцарь ангелоподобный — / Долг! — Небесный часовой! / Белый памятник надгробный / На моей груди живой. / За моей спиной крылатой / Вырастающий ключарь, / Еженощный соглядатай, / Ежеутренний звонарь...* (1911). *Ни с кем кивком не обменяйся смело, / В себе тоску о прошлом усыпи. / Будь той ему, кем быть я не посмела: / Его мечты боязнь не сзуби! / Будь той ему, кем быть я не сумела: / Люби без мер и до конца любви* (1909-1910). *Это чувство сладчайшим недугом / Наши души терзало и жгло. / Оттого себя чувствовать другом / Мне порою до слез тяжело* (1911). *Идешь на меня похожий, / Глаза устремляя вниз, / Я их опускала — тоже! / Прохожий, остановись! / ... Не думай. Что здесь — могила, / Что я появлюсь, грозя... / Я слишком сама любила / Смеяться, когда нельзя...* (1912). *Я с вызовом ношу его кольцо! / — Да, в вечности жена, не на бумаге. — / Его чрезмерно узкое лицо / Подобно шаге... / В его лице я рыцарству верна, / — Всем вам, кто жил и умирал без страху! — / Такие — в роковые времена — / Слагают стансы — и идут на плаху* (1914). *Никто ничего не отнял — / Мне сладостно, что мы врозь! / Целую вас через сотни / Разъединяющих верст... / На страшный полет крещу вас: / — Лети, молодой орел! / Ты солнце стерпел, не цурясь, — / Юный ли взгляд мой тяжел? / Нежней и бесспоротней / Никто не глядел вам вслед... / Целую вас — через сотни / Разъединяющих лет* (1916).

Пригвождена к позорному столбу / Славянской совести старинной, / С змеею в сердце и с клеймом на лбу, / Я утверждаю, что — невинна (1920). *Не хочу ни любви, ни почестей; / Опьянительны. Не падка! / Даже яблочка мне не хочется / — Соблазнительного — с лотка... / Что-то цепью за мной волочится, / Скоро громом начнет греметь. / — Как мне хочется, / Как мне хочется — / Потихонечку умереть* (1920). *Некоторым — не закон. / В час, когда условный сон / Праведен, почти что свят, / Некоторые не спят... / Некоторым, без кривизн — / Дорого дается жизнь* (1922). *... Какие чаянья — когда насквозь / Тобой пропитанный весь воздух свыкся! / Раз Наксоном мне собственная кость! / Раз собственная кровь под кожей — Стиксом! / Тщета! Во мне она! Везде! / закрыв / Глаза: без дна она! Без дня! И даже / Лжет календарная... / Как ты — разрыв. / Не Ариадна я и не... / Утрата!...* (1923). *А покамест еще в тенётах / Не увязла — людских кривизн, / Буду брать — труднейшую ноту, / Буду петь — последнюю жизнь* (1923).

Помеха и препятствие, встречающиеся в поэтических строках М. И. Цветаевой, есть также косвенное проявление динамики. Помешать и препятствовать можно только движущему (в том числе к определенной цели) или просто меняющемуся (что тоже есть динамика) объекту.

При выборе статического концепта окружающего мира М. Цветаева все же стремится придать ему динамичность. Одной из скрытых пружин такой динамики нередко является предпочтение, отданное автором собирательному множеству явлений (т. е. представлению всех их в совокупности) перед разделительным множеством (т. е. представлением каждого из них в отдельности). *Бездумье – и благоразумье, / Позор – и честь, / Все, что наводит на раздумье, / Все слишком есть – / Во мне! – Все каторжные страсти / Слились в одну! / Так в волосах моих – все масти / Ведут войну! Я знаю весь любовный шепот / – Ах, наизусть! – / Мой 22-летний опыт / – Сплошная грусть (1915). Знаю все, что было, все, что будет, / Знаю всю глухонемую тайну, / Что на темном, на косноязычном / Языке людском зовется – Жизнь (1918). Так из дому, гонимая тоской, – тобой! – всей женской памятью, всей жаждой, / Всей страстью – позабыть! – Как вал морской, / Ношусь вдоль всех итышков, мешков и граждан... Так, в скудном труженичестве дней, / Так, в трудной судорожности к ней, / Забудешь дружественный хорей / Подруги мужественной своей... / Все древности, кроме: дай и мой, / Все ревности, кроме той земной, / Все верности, — но и в смертный бой / Неверующим Фомой... (1922). Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды / И в рифмы сдавленные... Сердце – шире! / Боюсь, что мало для такой беды / Всего Расина и всего Шекспира (1923).*

Описание статических ситуаций может быть связано и с глаголами интенсивного действия и логическим оператором **так всегда**: *Так вслушиваются в исток / Вслушивается – устье. / Так внюхиваются в цветок: / Вглубь – до потери чувства! / Так в воздухе, который синь – / Жажда, которой dna нет. / Так дети, в синеве простынь, / Всматриваются в память. / Так чувствует в кровь / Отрок – доселе лотос. / Так влюбляются в любовь: / Впадают в пропасть... (1923).* Здесь и далее следуют глаголы той же семантики: *вглатываются, вработываются, вплакиваются.*

“Нетипичная” для поэзии М. Цветаевой статичная модель времени 2 имеет лишь одиночные проявления, которые, отрицая временные связи, похожи на отрицание логики миропорядка: *Нету для души моей спасенья. / Нету за субботой воскресенья (1916).* Подобные редкие случаи, видимо, можно было бы поставить в один ряд с “брожениями по шкале времен”, когда личностная оптика автора позволяет ему укрупнять события и уменьшать их, видеть их то реальными, то метафизическими (или и теми, и другими одновременно). В этом случае в сознании и речи автора возни-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

кает принцип эха: реальное событие откликается эхом в вечности и, наоборот, целый космос кристаллизуется в одном событии: *Я Вас люблю всю жизнь и каждый день. / Вы надо мною как большая тень, / Как древний дым полярных деревень. / Я Вас люблю всю жизнь и каждый час. / Но мне не надо Ваших губ и глаз. / Все началось и кончилось — без Вас (1918). Я с вызовом ношу его кольцо! / — Да, в вечности жена, не на бумаге... (1914). И не раскроются — так надо — / О, пожалей! — Ни для заката, ни для взгляда / Ни для полей — / Мои опущенные веки. / Ни для цветка! — Моя земля, прости навеки, На все века... Над Феодосией угас / Навеки этот весенний день (1914).*

Статичному полотну, заполненному стативами-результативами, динамику придают протяженные ряды однородных сказуемых, создающих эффект “расширения территории слова”, когда происходит нанизывание на длинные нити разных имен действия: *Рас-стояние: версты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили, / Чтобы тихо себя вели / По двум разным концам земли. / Рас-стояние: версты, дали... / Нас расклеили, распаяли, / В две руки развели, распяв, / И не знали, что это — сплав / Вдохновений и сухожилий... / Не рассорили-рассорили, / Расслоили... стена да ров / Расселили нас, как орлов... (1925).* Особый эффект этого приема связан с тем, что расширение происходит по-разному. Кроме расширения на метафорической основе, возможно расширение как уточнение состава предмета: *Где — ты? Где — тот? / Где — сам? Где — весь? / Там — слишком там, / здесь — слишком здесь... (1935)* — и другие типы.

Говоря о предпочтении, отданном М. Цветаевой определенным временным концептам, о статичности и динамичности ее поэтической речи, надо отметить многообразие ее динамики. Это динамика движения в пространстве, динамика изменения с преодолением помех и препятствий, динамика смены состояний. Динамика интенсивных действий на фоне статичных полотен, динамика “эха события”.

Концептуализация русскоязычной картины мира занимает сейчас многих славистов. Одна из ярких ее страниц — концепт мира М. И. Цветаевой.

Л и т е р а т у р а

1. Бродский И. Поэт и проза // Бродский о Цветаевой. М.: Независимая газета, 1997
2. Падучева Е. В. Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Наука, 1999.
3. Рябцева Н. К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве. Там же.